

Тихомиров П. В. Состояние философии к началу XX столетия: [По кн.: Die Philosophie im Beginn des zwanzigsten Jahrhunderts. <...> Vde. I—II. Heidelberg, 1904—1905] // Богословский вестник 1905. Т. 2. № 7/8. С. 619—650 (3-я пагин.). (Начало.)

Состояніе философіи къ началу XX столѣтія.

По книгѣ: „Die Philosophie im Beginn des 'zwanzigsten Jahrhunderts. Festschrift für Kuno Fischer unter Mitwirkung von B. Bauch, K. Groos, E. Lask, O. Liebmann, H. Rickert, E. Troeltsch, W. Wundt, herausgegeben von W. Windelband. BB. I—II: I. Band. 1904. SS. VII+1—186. II. Band. 1905. SS. 1—200. Heidelberg. Carl Winter's Universitätsbuchhandlung“.

Къ 80-лѣтію знаменитаго историка новой философіи Куно Фишера (23 іюля н. с. 1904 года) группа нѣмецкихъ философовъ рѣшила въ честь маститаго юбиляра выпустить сборникъ статей, изображающихъ состояніе различныхъ философскихъ дисциплинъ къ началу нынѣшняго XX столѣтія. Идея почтить историка философіи подведеніемъ итоговъ философскаго развитія, подсчетомъ успѣховъ, достигнутыхъ его излюбленными науками ко дню его юбилея, должна быть признана въ высшей степени удачной. А срокъ, къ которому дѣлается этотъ подсчетъ,—начало новаго столѣтія,—чрезвычайно усиливаетъ тотъ общій интересъ, который и безъ того имѣла бы подобная книга. Послѣднимъ обстоятельствомъ вполне объясняется наше желаніе реферировать ее для читателей „Богословскаго Вѣстника“.

Разсматриваемый 2-томный сборникъ состоитъ изъ посвященнаго Куно Фишеру стихотворенія *Отто Либмана* и восьми статей, трактующихъ состояніе слѣдующихъ наукъ: психологіи (статья *Вильгельма Вундта*), этики (*Бруно Бауха*), философіи религіи (*Эрнста Трельча*), логики (*Вильгельма Виндельбанда*), философіи права (*Эмilia Ласка*), философіи исторіи (*Герриха Риккерта*), эстетики (*Карла Гроза*) и исторіи философіи (*Вильгельма Виндельбанда*). Такъ какъ порядокъ статей — не

систематическій, то намъ нѣтъ надобности держаться его въ своемъ обзорѣ. Мы начнемъ съ логики, пропедевтической философской науки.

1. Логика.

Развитіе логики въ 19 столѣтіи Виндельбандъ ставитъ въ связь съ своеобразнымъ положеніемъ, какое заняла относительно этой науки *Кантъ*. Общую логику, которую Кантъ называлъ аналитической или формальной, онъ считалъ настолько прочнымъ результатомъ 2000-лѣтней работы, что здѣсь, по его мнѣнію, возможны только незначительныя дополненія или улучшенія. Наряду съ нею, какъ нѣчто вполне новое, онъ ставилъ свою трансцендентальную, гносеологическую логику, которую онъ тоже признавалъ вполне и надлежащимъ образомъ разработанной—настолько, что дальше оставалось лишь возводить на ней зданіе метафизики явленій. Но взаимное отношеніе этихъ, по мнѣнію Канта, вполне разобщенныхъ системъ логическихъ ученій сдѣлалось тѣмъ ферментомъ, который произвелъ сильное броженіе въ послѣдующихъ изысканіяхъ о сущности научнаго мышленія и породилъ множество новыхъ движеній, не примиренныя противорѣчія которыхъ и доселѣ стоятъ предъ нашими глазами (I, 163; дальше въ обзорѣ логики—страницы всюду изъ I тома).

Общая логика должна имѣть дѣло съ аналитическими формами мышленія, нормирующими операціи разсудка надъ всякими понятіями, независимо отъ содержанія послѣднихъ. Синтетическія формы трансцендентальной логики, напротивъ, опредѣляютъ имѣющее всеобщее и необходимое значеніе соединеніе воспринимаемыхъ содержаній. Кантъ энергично возставалъ противъ попытокъ раціоналистической метафизики выводить изъ основоположеній формальной логики и, въ частности, изъ принципа противорѣчія какое либо реальное познаніе о сущности вещей и ихъ отношеніяхъ. Столь же энергично утверждалъ онъ противъ эмпиризма и скептицизма значеніе синтетическихъ формъ мысли для всего объема нашего опыта. Значеніе аналитическихъ формъ общей логики онъ сводилъ къ надзору за правильностью мышленія (*eine Polizei des korrekten Denkens*)—безотносительно къ предмету.

Но уже и у самого Канта объ эти системы логики въ рѣшительномъ пунктѣ переплетаются другъ съ другомъ: таблица категорій развивается изъ таблицы сужденій. И это отношеніе между ними довольно рано было признано искусственнымъ и незаконнымъ. Въ этомъ именно пунктѣ дальнѣйшее развитіе расколосось на слѣдующія направленія: одни признали Кантовскій творческій принципъ трансцендентальной логики и, пытаясь послѣдовательно провести его, предпринимали полный пересмотръ старой логики и созданіе совершенно новой системы этой науки; другіе, подъ вліяніемъ старыхъ ученій, отказались отъ трансцендентальной логики и вполнѣ сознательно превратили логику въ чисто формальную дисциплину. Первое направленіе представлено *Фихте, Шеллингомъ, Гегелемъ, Шлейермахеромъ*; второе же—*Гербартомъ*. Для Гербарта логика осталась регулятивной наукой, которая только устанавливаетъ формы для обработки понятій и въ свободѣ отъ противорѣчій имѣетъ свою высшую норму. У продолжателей Фихте „Наукоученіе“ выросло въ систему реальныхъ принциповъ и предметныхъ познаній, а у Гегеля логика уже совершенно совпала съ метафизикой. Такъ опредѣлилась противоположность формальной и гносеологической (теоретико-познавательной) логики (164—165).

Было вполнѣ естественно, что изъ этихъ двухъ направленій, борьба которыхъ проходитъ чрезъ все 19 столѣтіе, разработка формальной логики не могла быть особенно плодотворной: послѣ Аристотеля, позднѣйшихъ греческихъ логиковъ и схоластиковъ здѣсь, собственно говоря, почти нечего было дѣлать. Поэтому формально-логическія работы кантіанцевъ и гербартіанцевъ должны были ограничиваться улучшеніемъ системы по мелочамъ, установкой терминологіи, дидактическимъ усовершенствованіемъ изложенія и т. п. Самымъ лучшимъ произведеніемъ этого рода доселѣ остается логика *Дробниша*, выдержавшая уже много изданій. Видимость успѣха и прогресса въ разработкѣ формальной логики создается трудами по такъ называемой математической логикѣ. Отнюдь не случайность, что именно здѣсь особенно ясно выдвигается аналогія между логическими и математическими формами. Уже Гоббесъ въ 17, а еще опредѣленнѣе Кондильякъ въ 18 вѣкѣ высказывались, что вся работа

формальной логики сводится къ тому, чтобы установить между понятіями отношенія по объему при частичномъ равенствѣ ихъ содержанія. Законъ тождества (и соотв. з. противорѣчія) являются ея высшимъ принципомъ. Вся работа есть чисто аналитическая: разложить понятія на ихъ признаки и чрезъ сравненіе этихъ признаковъ опредѣлить отношеніе объемовъ. Поэтому всякое сужденіе разсматривается, какъ выраженіе отношенія между субъектомъ и предикатомъ со стороны ихъ объема. Количество сужденій считается самымъ существеннымъ. Такимъ образомъ, мышленіе становится „логическимъ исчисленіемъ“ или „счисленіемъ понятій (Rechnen mit Begriffen)“. Основателями собственно математической логики были англичане *Джорджъ Бенгамъ* и *Сэръ Вильямъ Гамильтонъ* съ его теоріей „квантификаціи предиката“. Виндельбандъ называетъ эту математическую логику „логикой зеленого стола, съ которой живая научная работа не имѣетъ ничего общаго“ (165—167). „Въ Германіи, прибавляетъ онъ, этотъ логическій спортъ, за которымъ нельзя отрицать заслугу упражненія формальной проицательности, мало нашелъ сочувствія: тамъ и сямъ обратили вниманіе на значеніе этихъ аналогій для ариѳметическихъ ученій, но собственно логиками все предпріятіе въ цѣломъ было отклонено. Вундтъ въ своей Логикѣ посвятилъ этому алгоритму логическихъ формъ особую главу, но при этомъ довольно расхолаживающимъ образомъ замѣтилъ, что изученіе этой главы необязательно“ (167). Столь же малый успѣхъ, какъ это ариѳметизированіе логики, имѣла и попытка *Альберта Ланге* геометризировать ее (въ изданныхъ по смерти его Когеномъ „Логическихъ этюдахъ“). И здѣсь мы имѣемъ смѣшеніе весьма полезнаго средства наглядности съ существомъ дѣла (167).

Но уже и въ этихъ переработкахъ формальной логики и во всѣхъ изложеніяхъ традиціоннаго ученія, напр., у *Ульрици*, *Ибервега*, *Бенно Эрмана*, а также и у гербарціанцевъ въ родѣ *Лотта*, весьма замѣтна общая, хотя и не всегда ясно обнаруживаемая, склонность — искать основной логическій феноменъ въ сужденіи, отбросивши старую схему построенія формальной логики (понятіе, какъ основной элементъ, затѣмъ—сужденіе, умозаключеніе и систематическія формы: опредѣленіе, раздѣленіе, доказательство). Гораздо же рѣши-

тельнѣе становится на эту точку зрѣнія гносеологическая логика. Система категорій, по Канту, должна покоиться на системѣ сужденій. Кантъ вѣрилъ, что послѣдняя безспорно установлена формальной логикой; но развитіе ученія о категоріяхъ отъ Фихте до Гегеля ниспровергло это предположеніе. Отсюда задача дать новое ученіе о сужденіи сдѣлалась основнымъ вопросомъ современной логики. Вполнѣ ясно и само собою понятно, что понятіе свой логическій смыслъ и свое логическое значеніе можетъ получить только чрезъ сужденіе, въ которомъ сопринадлежность его признаковъ познается и утверждается въ общеобязательной формѣ. Поэтому логика принципиально не можетъ разсматривать понятія, какъ предположенія сужденій, а должна трактовать ихъ, какъ имѣющіе всеобщее значеніе результаты сужденій. Съ другой стороны, и умозаключеніе во всѣхъ своихъ дедуктивныхъ и индуктивныхъ формахъ есть не что иное, какъ видъ обоснованія сужденій и только въ виду этой цѣли имѣетъ свой логическій смыслъ. Такимъ образомъ, ученія о понятіи и умозаключеніи становятся лишь развѣтвленіями ученія о сужденіи, а послѣднее—главной проблемой логики (168—169).

Итакъ, логика есть ученіе о сужденіи. Но—философское ученіе! Послѣднее обстоятельство Виндельбандъ считаетъ необходимымъ особенно подчеркнуть, потому что оно не всегда и не вездѣ считается само собою понятнымъ. Сужденіе, какъ фактъ психической жизни, подлежитъ разностороннему психологическому изслѣдованію, съ результатами котораго уже обязана считаться логика (отношеніе совершенно такое же, какъ между этикой и разными эмпирическими и теоретическими изслѣдованіями о функціяхъ воли). Но психологія, какъ извѣстно, отнюдь еще не дала безспорныхъ рѣшеній по очень многимъ и весьма важнымъ вопросамъ—и въ частности по вопросамъ о дѣятельности мышленія. Здѣсь мы встрѣчаемся съ борьбой разнообразныхъ и часто противоположныхъ направленій. Отсюда для всякаго логика возникаетъ необходимость—опредѣлить свое отношеніе къ различнымъ психологическимъ пониманіямъ сужденія: онъ не можетъ воспользоваться готовымъ, общепризнаннымъ опредѣленіемъ сужденія, а долженъ критически пере-

смотрѣть существующія и выработать свою собственную точку зрѣнія (169).

Но насколько такая задача существенна, настолько же легко, при попыткѣ разрѣшить ее, логикъ можетъ подвергнуться опасности забыть свою прямую задачу и увлечься чисто психологическими изслѣдованіями, и тогда у него логика можетъ превратиться только въ вѣтвь психологіи, какъ этого, напр., въ свое время даже и требовалъ *Бенке*. Прочное отграниченіе логики отъ психологіи составляетъ для первой вопросъ жизни. Разсужденія о нормативномъ характерѣ логики, въ сущности, мало помогаютъ такому разграниченію, потому что вѣдь это, въ концѣ концовъ, могло бы значить только, что логика „фактическіе признаки судящей дѣятельности (установленные психологіей) высказываетъ въ иной словесной формѣ,—въ формѣ повелительнаго наклоненія“. Насколько не легко этого достигнуть, показываютъ недавно появившіяся (1900 и 1901 гг.) и спеціально къ этой цѣли направленныя „Логическія изслѣдованія“ *Гуссерля*. Впрочемъ, рассматриваемое положеніе дѣла имѣетъ и свою хорошую сторону: психологическія теоріи иногда даютъ логикѣ толчекъ къ постановкѣ новыхъ проблемъ. Поучительнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи является вызванное психологіей *Франца Brentano* движеніе въ обработкѣ логическаго ученія о сужденіи. Brentano характерный признакъ сужденія видѣлъ въ актѣ признанія или отверженія извѣстнаго представляемаго содержанія. Поэтому и въ логикѣ для него самымъ существеннымъ было качество сужденія. Общей формой всѣхъ сужденій становилось экзистенціальное сужденіе, для котораго въ традиціонной таблицѣ сужденій даже и мѣста не оказывалось. Теперь на эти сужденія обратили вниманіе, и имъ уже посвященъ цѣлый рядъ разнообразныхъ изслѣдованій, подвергающихъ разностороннему изученію понятія „признанія“ и „существованія (existentia)“. За этими изслѣдованіями естественно послѣдовали другія—о существѣ и значеніи „предикаціи“. Если специфическою чертою сужденія является упомянутое „признаніе“, то отношеніе субъекта и предиката теряетъ свое прежнее значеніе въ ученіи о сужденіи. „Предикація“ становится уже чѣмъ-то несущественнымъ. Въ простѣйшей формѣ экзистенціального сужденія мы, повидимому, имѣемъ дѣло только

съ однимъ понятіемъ, именно съ субъектомъ, не приписывая ему „бытія“ въ качествѣ предиката;—это наблюденіе влечетъ за собою разносторонніе споры по поводу извѣстнаго Кантовскаго утвержденія, что „бытіе“ не есть „признакъ“ въ понятіи. Но, съ другой стороны, на ряду съ этимъ, стали обращать вниманіе и на „безсубъектныя“ или „безличныя“ сужденія (*impersonalia*), что также открывало перспективы для новыхъ интересныхъ выводовъ по вопросу о сужденіи. Классическою работою въ этой области является изслѣдованіе *Зиггарта* („*Die Impersonalien*“, 1888), со всею очевидностью раскрывшее для научнаго сознанія, насколько мало соотвѣтствуютъ различія словесныхъ формъ логическимъ. Логика, къ своей невыгодѣ исторически развивавшаяся объ руку съ грамматикой, можетъ ожидать отъ послѣдней нѣкоторыхъ вопросовъ и побужденій къ изслѣдованію, но—отнюдь не отвѣтовъ или разъясненій. Виды сужденія не совпадаютъ съ видами предложенія (169—172).

Въ каждомъ сужденіи мы мыслимъ извѣстное отношеніе представляемыхъ содержаній и рѣшаемъ о значеніи этого отношенія. Ясно, что сужденіе всегда синтетично. На синтетическомъ характерѣ сужденія болѣе всего настаиваютъ *Зиггартъ* и *Лотце*. Оба они провозглашаютъ полную несостоятельность традиціоннаго ученія о сужденіи, при чемъ *Зиггартъ* главнымъ образомъ разрушаетъ грамматико-формалистическія построенія этого ученія, а *Лотце* пытается изъ обломковъ построить новое зданіе. Основной формой сужденія остается категорическое высказываніе предиката относительно субъекта,—синтезъ предиката и субъекта. Утвержденіе и отрицаніе (качество сужденія) *Лотце* разсматриваетъ, какъ дополнительныя или побочныя мысли („*Nebengedanken*“) къ первичному синтезу сужденія. *Зиггартъ* хотѣлъ видѣть въ отрицательномъ сужденіи сужденіе о положительной попыткѣ связать извѣстныя содержанія. Поэтому оно становится у него „сужденіемъ цѣнности (*Werturteil*)“. Соотвѣтственной переработкѣ подверглась и теорія проблематическихъ сужденій. Съ логической точки зрѣнія воздержаніе отъ сужденія нельзя назвать сужденіемъ, но психологически это—совершенно правильно. Сужденіе,—въ утвердительной или отрицательной формѣ,—можетъ быть намѣчено, но не установлено окончательно, за отсутствіемъ

достаточныхъ оснований. Законъ достаточнаго основанія становится, такимъ образомъ, именно требованіемъ логической правотѣрности, на ряду съ законами тождества и противорѣчія. Вся силлогистика сводится у Зигварта, какъ къ простѣйшей основной формѣ, къ такъ называемому гипотетическому умозаключенію. Но зато съ тѣмъ болѣе вниманіемъ онъ относится къ ученію о методѣ вообще и къ методологіи специальныхъ наукъ. Точно также и Лотце старался поставить логику въ близкое, такъ сказать, интимное отношеніе къ интересамъ специальныхъ наукъ. Но у него прибавляется сюда еще одна своеобразная черта: вѣрный своему телеологическому идеализму, онъ зачатки логики готовъ искать въ этикѣ, въ цѣляхъ познанія (172—174).

Подчеркиваніе методологической стороны логики соответствовало общему состоянію науки въ послѣднія десятилѣтія 19 вѣка, когда философія всемѣрно стремилась разрабатываться въ возможно тѣсной связи съ опытными науками. Никогда въ другое время не было такъ много ученыхъ, которые, начавъ работами по своей специальной наукѣ, все болѣе и болѣе склонялись-бы къ общимъ вопросамъ, т. е. къ философіи. Математики и физики, фізіологи и биологи, историки и психологи пережили этотъ процессъ. Такая интеллектуальная эволюція почти неизбѣжно приводила каждого мыслителя къ вопросамъ гносеологіи и къ философской обработкѣ методологіи специальныхъ наукъ. Въ логикѣ крупнѣйшимъ выразителемъ этого движенія явился знаменитый *Вильгельмъ Вундтъ* (175).

Методологія всегда получаетъ мотивы для своей разработки отъ измѣняющагося развитія отдѣльныхъ наукъ, отъ усиленія или ослабленія тѣхъ или иныхъ научныхъ интересовъ. Поэтому и въ логикѣ поочередно обращалось наибольшее вниманіе на разработку методовъ: математическаго, индуктивно-естественнонаучнаго, психологическаго, историко-диалектическаго, эволюціоннаго. Въ концѣ концовъ въ этомъ отношеніи опредѣлились два преобладающіе интереса: естественнонаучный и историческій. Преобладаніе это естественно сказалось и на философіи. Для методологіи, имѣющей свою цѣлью выясненіе и формулированіе логической сущности науки, возникаютъ отсюда двѣ специальныхъ задачи. Для пониманія методовъ естествознанія она можетъ оставаться

на старыхъ рельсахъ. Этой задачѣ отвѣчали весь аппаратъ традиціонной методологіи или, какъ говорили въ 17 и 18 столѣтіяхъ, „прикладной логики“. Такъ это мы и видимъ, напр., у *Джона Стюарта Милля*, *Стэнли Джевонса*, въ значительной мѣрѣ также—въ первомъ изданіи *Зигварта* и даже у *Лотце*. Гораздо хуже обстояло и обстоитъ дѣло съ методологіей исторіи. Здѣсь, при новости самаго предмета, приходилось все создавать вновь. Сознаніе исторической науки своей логической сущности и своихъ истинныхъ задачъ приняло опредѣленную и прочную форму благодаря попыткамъ вліянія на нее въ этомъ отношеніи со стороны естествознанія. Последнее, не зная природы и особенностей историческаго изслѣдованія, старалось навязать ему тѣ-же руководящія идеи, какими проникнуто само. Отсюда, напр., возникъ знаменитый споръ о „законахъ исторіи“. Попытки эти находили себѣ опору и въ философскихъ воззрѣніяхъ—Шопенгауэра, Канта и Конта,—которыя о задачахъ науки вообще судили по аналогіи съ естествознаніемъ и требовали, чтобы историкъ отъ повѣствованія о фактахъ переходилъ къ установкѣ ихъ законмѣрности. Къ этимъ требованіямъ присоединялась потомъ тенденція—отыскивать движущія силы исторіи въ хозяйственныхъ (экономическихъ) отношеніяхъ (176—178).

Логика, понятно, не могла остаться равнодушной къ этимъ спорнымъ вопросамъ въ средѣ историковъ, и для методологіи, въ виду ихъ, возникала существенная задача—заново пересмотрѣть традиціонное ученіе о классификаціи наукъ. Въмѣсто переставшаго удовлетворять логическимъ требованіямъ стараго дѣленія всѣхъ наукъ на науки о природѣ и науки о духѣ, выдвинулась новая точка зрѣнія, съ которой различаютъ: 1) науки о природѣ (естествознаніе), направленные на познаніе законовъ явленій, и 2) науки историческія, посвященные разсмотрѣнію частнаго,—событій, отмѣченныхъ печатью общепризнанной цѣнности. Формулировать это различіе можно лучше всего, какъ различіе между „наукой о природѣ“ и „наукой о культурѣ“. Это новое дѣленіе оказывается особенно цѣннымъ для психологіи и ея отношенія къ исторіи. По старой классификаціи психологія была основоположительной наукой въ числѣ такъ называемыхъ наукъ о духѣ. Но къ этимъ-же наукамъ относилась и исторія. И вотъ выхо-

дѣло, что всякая исторія имѣетъ дѣло съ душевной дѣятельностью людей и обнаруженіемъ ея во внѣшнемъ мірѣ, и что пониманіе ея предполагаетъ ученіе о душевныхъ дѣятельностяхъ. Но всякій кто знакомъ съ новѣйшей психологіей, знаетъ, что тамъ по естественнонаучному методу разсматриваются такія вещи и отношенія, до которыхъ историку отнюдь не больше дѣла, чѣмъ, напр., и до механики. А съ другой стороны, и сама психологія извлекла отсюда для себя пользу, получивъ возможность открыто ставить наряду другъ съ другомъ задачи „научной психологіи“ и, какъ дополненіе къ ней, „психологіи индивидуальныхъ различій;“ — послѣдняя уже примыкаетъ къ наукамъ историческимъ. Всѣ эти вопросы теперь много обсуждаются въ философской литературѣ, и въ центрѣ этого движенія должна быть поставлена книга *Риккерта*: „Границы естественнонаучнаго образованія понятій“ (1896—1902). Куда, въ концѣ концовъ, это приведетъ, предсказать трудно, но уже и теперь вполне ясно, что послѣдняго рѣшенія надо искать уже не въ методологіи, а въ теоріи познанія (178—179).

Чисто гносеологическая обработка логики, игнорировавшая формальный и методологическій моменты ея ученій и придававшая главное значеніе служенію метафизическимъ задачамъ, первоначально составляла характеристическую черту *гегельянскѣй школы*. Самымъ интереснымъ явленіемъ въ этой области надо считать логику *Куно Фишера*. Историкъ новой философіи, освобождаясь отъ схематизма Гегелевой терминологіи, показываетъ здѣсь, по словамъ Виндельбанда, неподражаемое и рѣдкое „искусство переводить Гегеля на нѣмецкій языкъ“. Но, тѣмъ не менѣе, вся эта гносеологико-метафизическая логика въ срединѣ прошлаго столѣтія потеряла все свое обаяніе — съ паденіемъ идеалистической философіи. Сама гносеологія почувствовала необходимость обособиться отъ логики въ собственномъ смыслѣ, и, напр., „трансцендентальная логика“ *новокантіанцевъ* не желаетъ имѣть ничего общаго съ логикой и методологіей, намѣчая собственную задачу въ изслѣдованіи границъ и объема человѣческаго познанія. Но чѣмъ дальше она удалялась отъ метафизики, тѣмъ болѣе начинала ей угрожать опасность — заимствовать руководящую точку зрѣнія изъ генетическихъ, т.-е. психологическихъ изслѣдованій; — напр., уже Шопенга-

уэръ ставить въ самое близкое отношеніе ученіе о познаніи къ теоріямъ фізіологіи органовъ чувствъ. Другимъ, болѣе краснорѣчивымъ примѣромъ можетъ служить судьба столь важнаго въ гносеологіи Кантовскаго понятія а priori. Много прошло времени, прежде чѣмъ оно освободилось отъ психологическаго толкованія въ смыслѣ врожденности. Эволюціонный психологизмъ, объявлявшій априорное для индивидуума за пріобрѣтенное родомъ, сдѣлалъ весьма искусительный шагъ къ сближенію Кантовскаго ученія о познаніи съ эмпиризмомъ. Попытки подобнаго сближенія дѣлались и съ другой стороны: *Герингъ* старался слить критицизмъ съ позитивизмомъ, Канта съ Контомъ (180—182).

За этими сравнительно простыми и довольно грубыми формами сближенія Кантовскихъ и Контовскихъ мыслей послѣдовалъ потомъ рядъ болѣе утонченныхъ. Общею чертою ихъ является стремленіе устранить понятіе вещи въ себѣ и разрѣшить всю дѣйствительность въ феномены сознанія;—любопытная аналогія съ развитіемъ нѣмецкаго идеализма въ самомъ концѣ 18 и въ началѣ 19 вѣка, съ движеніемъ отъ Канта къ Фихте. Здѣсь предъ нами выступаютъ: „имманентная“ философія *Шуппе*, „эмпириокритицизмъ“ *Авенариуса* и *Маха*, работы *Герца* и французскаго математика *Паункарэ* (182).

Противниками этого движенія, которые крѣпко держатся за трансцендентальный идеализмъ Канта и хотятъ спасти его принципы, какъ начала плодотворной дальнѣйшей философской работы, являются—*Либманъ*, *Риль* и *Фолькельтъ*. У послѣдняго сильно замѣтно стремленіе преобразовать ученіе о познаніи въ метафізику, въ чемъ видно отчасти вліяніе Гегеля, а главнымъ образомъ философской системы *Эдуарда Гартмана* (182—183).

Въ заключеніе своей статьи Виндельбандъ указываетъ проблемы, которыя въ этихъ гносеологическихъ работахъ привлекали къ себѣ наибольшій интересъ и вызывали самые разнообразныя опыты своего рѣшенія, и, въ связи съ этимъ, намѣчаетъ „главную задачу будущей логики“. Такихъ проблемъ, по его словамъ,—двѣ: проблема трансценденціи и проблема причинности. Объективный образъ міра, устанавливаемый въ разныхъ положительныхъ наукахъ примѣненіемъ формально-логическихъ отношеній къ разнообразнѣй-

шимъ предметамъ познанія, наивнымъ мышленіемъ считается за вѣрный образъ абсолютной реальности. Но гносеология обязана поставить вопросъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ является и послѣднимъ вопросомъ всѣхъ наукъ: каково отношеніе объективнаго къ реальному? Отношеніе сознанія къ бытію или функціи сознанія къ содержанію сознанія есть простѣйшая и самая общая форма, къ которой приводитъ насъ изслѣдованіе синтетической дѣятельности мышленія. Въ безконечныхъ спорахъ о причинности, которымъ предаются философы со времени Юма и Канта вплоть до нашихъ дней, въ качествѣ новой черты, имѣющей значеніе для будущаго, Виндельбандъ называетъ усилившееся вниманіе къ вопросу объ отношеніи проблемы причинности къ понятію закона. Но хотя причинность и является важнѣйшей изъ категорій, тѣмъ не менѣе послѣднія рѣшенія какъ гносеологии, такъ и методологии должны опираться на ученіе о категоріяхъ вообще. Категоріи суть единственныя синтетическія формы, въ которыхъ только предметы могутъ быть мыслимы и, слѣдовательно, познаваемы. Онѣ суть поэтому во всѣхъ нашихъ сужденіяхъ формы мышленія, соотносящаго субъектъ и предикатъ другъ съ другомъ; онѣ представляютъ собою тѣ отношенія, на всеобщее и необходимое значеніе которыхъ и направляется въ сужденіи утвержденіе или отрицаніе. Отсюда вполне ясно, какъ важно и для логики, и для методологии, и для теоріи познанія созданіе ученія о категоріяхъ. Это и составляетъ главный вопросъ „будущей логики“. Руководящаго принципа для построенія такой системы пока еще не найдено, хотя попытки подойти къ рѣшенію этой задачи и сдѣлать кое что для нея во множествѣ разсѣяны въ гносеологической и логической литературѣ 19 вѣка. Извѣстная книга Гартмана „*Kategorienlehre*“ съ этой точки зрѣнія принадлежитъ къ числу значительнѣйшихъ явленій въ философской литературѣ послѣ Гегеля; но она въ концѣ концовъ опирается на метафизическія предположенія. Система же категорій въ указанномъ выше смыслѣ должна покоиться на чисто логическихъ принципахъ.

2. Психологія.

Очеркъ состояніи психологіи къ началу 20 вѣка, какъ уже было упомянуто, составленъ знаменитымъ Лейпцигскимъ профессоромъ Вильгельмомъ Вундтомъ. Авторъ начинаетъ съ указанія на различія въ пониманіи того мѣста, которое должно принадлежать психологіи среди другихъ наукъ. Такъ нѣкоторые совершенно не считаютъ ее философскою наукою и склонны разсматривать, какъ вѣтвь естествознанія. Другіе, наоборотъ, видятъ въ ней специфическую „науку о духѣ“, въ которой они не прочь растворить и самую философію. Между этими крайними взглядами существуетъ и посредствующее направленіе, которое, признавая законное вліяніе естественнаучныхъ методовъ и необходимость союза съ біологіей и физиологіей для разрѣшенія проблемы жизни, въ то же время желаетъ отстоять своеобразный характеръ психологической работы сравнительно съ изслѣдованіями этихъ сосѣднихъ и вспомогательныхъ областей естествознанія. Эта средняя партія, въ свою очередь, распадается на двѣ фракціи: для первой изъ нихъ психологія является положительной самостоятельной наукою, которая такъ же хорошо можетъ существовать независимо отъ философіи, какъ физика, физиологія или исторія; вторая же хочетъ сохранить старинную связь съ философіей, потому что факты душевной жизни тѣсно связаны съ проблемами гносеологіи, этики, философіи религіи и другими, которыя принято считать философскими. Разбираться въ этихъ разногласіяхъ Вундтъ считаетъ излишнимъ, потому что какъ бы мы теоретически ни отграничили психологію отъ философіи, на практикѣ все равно психологъ долженъ быть вмѣстѣ и философомъ и наоборотъ, философъ не можетъ обойтись безъ психологіи. Вмѣсто этого онъ предпочитаетъ обратиться къ исторіи своей науки, чтобы изъ ея прошлаго понять ея настоящее состояніе. Въ послѣднемъ онъ находитъ черты, которыя весьма сильно напоминаютъ средину 18 столѣтія и слѣдующія за тѣмъ десятилѣтія, почему свой историческій обзоръ и начинаетъ съ этой именно эпохи (I, 1—2; дальнѣйшія ссылки въ обзорѣ психологіи дѣлаются также на страницы I тома).

Съ половины 18 вѣка можно наблюдать широкое распространеніе того убѣжденія, что дающее человѣку познаніе его

собственного существа изслѣдованіе о душѣ въ высшей степени полезно для него. Отсюда естественно возникло желаніе популяризовать эти психологическія изслѣдованія, стремленіе, которое вскорѣ легко охватило и родственныя области морали и эстетики, а потомъ и всю вообще философію. Сюда присоединился также интересъ къ разнымъ нарушеніямъ нормальной психической жизни, ко сну, сновидѣніямъ и другимъ подобнымъ состояніямъ, что, въ свою очередь, заставило обращаться къ ученіямъ тогдашней медицины и физиологіи. Антропоцентрическая телеологія этого вѣка, видѣвшая, притомъ, въ индивидуальной личности воплощеніе человѣчества, какъ такового, выдвинула на первый планъ и сообщила особенную важность вопросамъ морали и педагогики, а наряду съ ними получали отчасти значеніе также и религіозныя потребности. Всѣ эти практическіе интересы проникли и въ психологію: изъ нея, изъ углубленія въ собственную сущность человѣка надѣялись вѣрнѣе познать задачи жизни, нежели изъ великихъ философскихъ системъ прошлаго. Не замѣчалось только при этомъ, что идеи этой философіи и ея различныхъ направленій оказывали вліяніе на разработку самой психологіи; чѣмъ одностороннѣе имѣлась въ виду практическая мораль, которая должна служить только дѣйствительной жизни, тѣмъ больше на самомъ дѣлѣ психологія опиралась на подобныя части старыхъ системъ и тѣмъ болѣе, соотвѣтственно этому, она превращалась въ психологію разсудка и рефлексіи, стремившуюся интеллектуализировать все содержаніе душевной жизни. Наряду съ этимъ доминирующій религіозный интересъ вызвалъ любопытныя попытки представить въ новомъ освѣщеніи старыя философскія докторины—Спинозы и Лейбница, а въ психологіи породилъ усиленное вниманіе къ жизни чувства и разныхъ темныхъ душевныхъ движеній. Последнее лучше всего можно видѣть въ изящной литературѣ: въ склонности къ самонаблюденію, въ составленіи исповѣдей, дневниковъ, писемъ, въ психологическихъ романахъ, изображающихъ характеры и настроенія то съ преобладаніемъ рефлексіи, то мечтательности, наконецъ, съ практической стороны въ энтузіазмѣ къ новымъ идеаламъ воспитанія и въ морализирующихъ и назидательныхъ статьяхъ новыхъ популярныхъ журналовъ. Всѣ эти настроенія и стремленія отразит-

лись, между прочимъ, въ сочиненіяхъ *Гете*, хотя у него „изъ старыхъ формъ уже слышится голосъ новаго времени“ (2—4).

Уже философскія вліянія, подъ которыми развились современная психологія, очень родственны тѣмъ, которыя господствовали въ 18 вѣкѣ. *Христіанъ Вольфъ* много содѣйствовалъ пробужденію и распространенію интереса къ психологіи. Но онъ здѣсь болѣе, чѣмъ въ какой либо иной части своихъ философскихъ работъ, стоитъ на плечахъ Лейбница: въ психологіи онъ вполне удержалъ Лейбницевское понятіе о душѣ, какъ представляющей и обладающей стремленіемъ монадѣ. Отъ Лейбница достался въ наслѣдство послѣдующему времени и интеллектуализмъ въ ученіи о душѣ. Отъ Лейбница же, правда, заимствовано и ученіе о степеняхъ ясности представленій, къ которому потомъ и примкнули всѣ интересующіеся темными сторонами душевной жизни, чувствами, настроеніями и ненормальными состояніями; но у самого Вольфа и его непосредственныхъ преемниковъ перевѣшивала рационалистическая тенденція. Отсюда старанія этой психологіи нивелировать различія, чтобы по возможности все держать на равномъ уровнѣ разсудочной понятности. Въ связи съ этимъ стояла и другая ея особенность,—что она всѣ явленія душевной жизни подчиняла нормамъ мышленія, отвлеченнымъ отъ сложной умственной дѣятельности. Краснорѣчивыми свидѣтелями этого остались многочисленные примѣры (въ соч. Вольфа и его школы) обозначенія всевозможныхъ психическихъ содержаній словами „мыслить (denken)“ и „мысль (Gedanke)“;—подобное же широкое употребленіе въ англійской и французской психологіи этого и предшествующаго времени имѣло слово „идея“. Но такъ какъ факты душевные, даже при поверхностномъ анализѣ, не поддавались такому послѣдовательному рационализированію и интеллектуализированію, то логическая интерпретація ихъ въ Вольфовой школѣ была дополнена другимъ представленіемъ дѣла, подсказаннымъ психологіей и словопотребленіемъ обыденной жизни. Существующія въ языкѣ обозначенія—„мышленіе“, „хотѣніе“, „желаніе“, „чувство“ и т. д.—взяты были, какъ термины, соотвѣтствующіе готовымъ и не нуждающимся въ дальнѣйшемъ анализѣ понятіямъ. Каждый комплексъ фактовъ, обозначаемый определеннымъ именемъ, стали разсматривать, какъ нѣкое

самодовлѣвшее царство, сводя всѣ явленія этой области къ одной общей основѣ, получившей названіе душевной „способности“. Отсюда и вся разсматриваемая психологія получила въ исторіи науки названіе „психологіи способностей“— „Vermögenspsychologie“. Гербартъ въ своей извѣстной критикѣ этой „психологіи способностей“ называлъ, между прочимъ, совмѣстную дѣятельность послѣднихъ „войною всѣхъ противъ всѣхъ“. Съ такой характеристикой Вундтъ не соглашается и предпочитаетъ другой образъ,—„собранія совѣта, гдѣ каждый имѣетъ свое особое мнѣніе, и нѣтъ недостатка въ рѣзкихъ разногласіяхъ, но гдѣ всѣ говорятъ на одномъ общепонятномъ языкѣ. Этотъ языкъ есть языкъ логическаго разсужденія; на немъ чувство то приходитъ на помощь разсудку, то возстаетъ противъ него, на немъ разсудокъ заставляетъ умолкнуть вождельніе или сдерживаетъ необузданныя мечты воображенія“. Лейбницевское различеніе ясныхъ и темныхъ представленій было использовано здѣсь въ томъ смыслѣ, что каждая душевная способность стала разсматриваться, какъ родъ иного или низшаго разсудка, господствующаго въ своей особой области. Вліяніе этого господства логической рефлексіи надъ всѣми областями духовной жизни можно ясно видѣть еще и у Канта, который свои три Критики (чистаго разума, практическаго разума и силы сужденія) посвятилъ тремъ главнымъ душевнымъ способностямъ—познанію, волѣ и чувству, а послѣднія подчинилъ тремъ логическимъ функціямъ—понятія, сужденія и умозаключенія (5—9).

Но уже при Кантѣ основы этой „психологіи способностей“ начали колебаться. Наблюденіе простѣйшихъ психическихъ дѣятельностей при воспріятіяхъ чувствъ, при процессахъ воспоминанія, при инстинктивныхъ дѣйствіяхъ и т. п. должно было психологамъ, не ослѣпленнымъ раціоналистической філософіей, внушить мысль о нѣкоторомъ психическомъ механизмѣ, который, помимо всѣхъ этихъ понятій, сужденій и умозаключеній, производитъ явленія съ подобною же закономерностью, какъ и при господствѣ законовъ природы. Такая мысль и нашла себѣ выраженіе въ трудахъ англійскихъ психологовъ, разработавшихъ ученіе объ ассоціаціи. Здѣсь должны быть названы имена *Локка*, *Беркля*, *Гертли* и *Юма*. Вліяніе ассоціаціонной психологіи на

работы нѣмецкихъ психологовъ сказалось тѣмъ, что они начали больше обращать вниманія на ненормальныя состоянія и чаще обращаться къ физиологii; но въ общемъ психологія способностей продолжала существовать. Въ научномъ отношеніи такія работы обыкновенно ничтожны, но тѣмъ онѣ казались интереснѣе и были популярнѣе. Образцовымъ произведеніемъ этого рода является 10-томный „Магазинъ опытнаго душевѣдѣнія“ *Карла Филиппа Морица*, предназначавшійся быть „книгой для чтенія образованнымъ и необразованнымъ“; понятно, теперь этотъ „Магазинъ“ имѣетъ только культурно-историческій интересъ. Несравненно выгоднѣйшее впечатлѣніе среди подобной литературы производитъ „Антропологія“ *Канта* (9—10). Плодотворнѣе было вліяніе асоц. психологii на отдѣльныхъ независимыхъ мыслителей (*Реймарусъ, Тетексъ, Тидеманъ*); но и они не могли отрѣшиться отъ шаблоннаго понятія душевной способности и склонности къ раціонализированію психическихъ фактовъ (10—11).

Чрезвычайно сильное вліяніе имѣла ассоціаціонная психологія на распространенную среди философовъ и физиологовъ,—со времени Декартовскихъ умозрѣній о функціяхъ мозга и „нервныхъ духовъ“,—тенденцію ставить душевные процессы въ связь съ свойствами нервной системы. По провозглашенному Гертли представленію дѣла ассоціація въ психологическомъ смыслѣ есть просто результатъ нервной механики. Отсюда оставался одинъ только шагъ до признанія вообще всего психическаго функціею мозга. Этотъ шагъ и сдѣлали представители французскаго „психофизическаго матеріализма“—*Ляметтри* и *Мопертюи*. Такъ возникла „физиологическая психологія“, отрицавшая самостоятельность психологii, какъ науки, и объявлявшая ее просто главою или отдѣломъ физиологii. На нѣмецкой почвѣ это направленіе распространилось преимущественно между врачами. Оно соединилось здѣсь съ разнообразными попытками ставить различныя роды душевныхъ процессовъ въ связь съ опредѣленными областями мозга. Вольфовскія душевныя способности были истолкованы въ смыслѣ новой гипотезы локализаци. Въ концѣ концовъ все это движеніе примкнуло къ знаменитой „Френологii“ *Галля*. Послѣдній взялъ у психологii способностей ея основныя психологи-

ческія понятія для своихъ „органовъ души“ и, такимъ образомъ, въ сущности только умножилъ число способностей. Не отдѣлялся онъ вполнѣ и отъ интеллектуалистической тенденціи, характеризующей психологію способностей, потому что каждую душевную способность и каждый душевный органъ разсматриваетъ, какъ „низшіи разумъ“ (12—13).

Всѣ эти движенія въ психологіи 18 вѣка, въ свое время надѣлавшія много шума, теперь уже стали достояніемъ только исторіи. Интересъ къ нимъ былъ задавленъ и самая память о нихъ почти изглажена громкимъ успѣхомъ философской мысли конца 18 и начала 19 вѣка,—движеніемъ Канта - Фихте - Шеллинга - Гегеля. Новое поколѣніе не нашло уже у себя вкуса къ подобнымъ изысканіямъ о душѣ. Другія потребности, другіе интересы стали владѣть умами, а старая психологія оказалась неспособна отвѣчать вновь народившемуся запросамъ (14).

Но философія новаго времени не могла оставить психологію въ совершенномъ пренебреженіи; и если старая психологія оказалась негодной для новыхъ потребностей, то должна была народиться новая. И вотъ въ этомъ-то пунктѣ открывается замѣчательное сходство нашего времени съ 18 столѣтіемъ: при всемъ различіи взглядовъ на задачи и методы психологіи, всѣ, кто только признаетъ ея право на существованіе, согласны въ томъ, что цѣлью ея является— „быть для нынѣшней науки и особенно для нынѣшней философіи тѣмъ же, чѣмъ была психологія 18 вѣка для философіи своего времени“. Великія идеалистическія системы начала 19 вѣка,—Фихте, Шеллинга и Гегеля,—не могли оказать существеннаго и плодотворнаго вліянія на разработку психологіи; для этого онѣ слишкомъ заняты были своими діалектическими построеніями, да и психологіи здѣсь попользоваться было нечѣмъ. Понятно отсюда, почему новая нѣмецкая психологія родоначальникомъ своимъ считаетъ не кого-либо изъ представителей идеалистической философіи, а мыслителя противоположнаго направленія, противопоставившаго идеализму свою реалистическую метафизику, которая отдавала дань справедливости опыту и точнымъ наукамъ. Это былъ *Герbartъ*. Уже и въ этомъ своемъ отношеніи къ предшествующему философскому умозрѣнію новая

нѣмецкая психологія осталась вѣрна традиціямъ психологій 18 вѣка, потому что Гербартъ, объявляющій самъ себя кантіанцемъ, на самомъ дѣлѣ съ большимъ правомъ можетъ быть названъ лейбниціанцемъ 19-го в. Правда, Гербарту принадлежитъ честь ниспроверженія господствовавшаго въ лейбнице-вольфіанской школѣ ученія о способностяхъ;— вмѣсто того онъ создалъ свое ученіе о представленіи, какъ основномъ психическомъ процессѣ, лежащемъ въ основѣ всѣхъ душевныхъ явленій; но его роднитъ съ его противниками тотъ же интеллектуализмъ, который характеризуетъ и психологію способностей. Гербартъ знаетъ только представляющія силы. Все, что не есть представленіе, т. е. въ концѣ концовъ интеллектуальный элементарный феноменъ, онъ старается объяснить изъ механическаго взаимодѣйствія представлений. Здѣсь приходитъ онъ въ близкое соприкосновеніе съ ассоціаціонной психологіей 18 в. Въ близкомъ родствѣ съ психологіей Гербарта стоятъ психологическія воззрѣнія *Бенке*. Тѣ и другія доселѣ находятся въ большомъ почетѣ у педагоговъ. Гербартова психологія была очень дружественно встрѣчена математиками и филологами. Въ школѣ Гербарта выработанъ планъ примѣненія психологій къ этнологіи („психологія народовъ“ — „Völkerpsychologie“) (14—19).

Своимъ математическимъ характеромъ, напоминавшимъ теоретическія разсужденія въ физикѣ и механикѣ, Гербартовская психологія подготовила почву для введенія въ эту науку естественнаго метода. Сама она, въ сущности, была совершенно спекулятивной, и вся ея механика представлений мало имѣла общаго съ эмпирической дѣйствительностью; но это не только не помѣшало нѣкоторымъ приверженцамъ Гербарта заявлять требованіе, чтобы психологія трактовалась, какъ естественная наука, но и послужило толчкомъ къ новому болѣе тѣсному сближенію нѣмецкой психологій съ англійской ассоціаціонной. Два выдающихся представителя послѣдней— *Джемсъ Милль* и *Александръ Бэнъ*— старались принципъ ассоціаціи распространить на всю совокупность душевныхъ процессовъ и въ особенности на чувственные воспріятія и на эмоціи. А съ другой стороны, они хотѣли и упростить самую теорію, сводя различныя такъ называемыя законы ассоціаціи, по возможности, къ одному.

Такъ создавалась перспектива пониманія всей душевной жизни, какъ единого психическаго механизма съ своеобразными законами, не уступающими по силѣ принудительности законамъ физической механики. Джонъ Стюартъ Милль былъ настолько увлеченъ этой перспективой, что даже сравнивалъ (въ своей Логикѣ) по важности законы ассоціаціи съ закономъ тяготѣнія. Упомянутое упрощеніе теоріи ассоціаціи достигалось тѣмъ, что раздѣливъ ассоціацію на внутреннюю (по сходству и по контрасту) и внѣшнюю (по пространственной смежности и временной послѣдовательности), объединили оба вида послѣдней въ понятіи смежности, а потомъ и ассоціаціи сходства и контраста старались вывести изъ смежности же. Къ этой объединительной тенденціи скоро и легко присоединилась и другая: ассоціація по смежности такъ близко напоминаетъ физиологическіе процессы, ведущіе къ выработкѣ автоматизма, что невольно является искушеніе и ее саму объяснять изъ послѣднихъ. Этотъ возвратъ къ физиологической точкѣ зрѣнія Гертли и былъ осуществленъ *Гербертомъ Спенсеромъ*. Главнымъ недостаткомъ разсматриваемаго направленія психологіи было то, что она разсматривала представленія, какъ самостоятельные и относительно неизмѣнные объекты, съ которыми можно оперировать, какъ съ фигурами на шахматной доскѣ, чего на самомъ дѣлѣ отнюдь нѣтъ. Отсюда и безсиліе ея въ объясненіи самыхъ фактовъ ассоціаціи, необходимость прибѣгать къ гипотетическимъ посредствующимъ членамъ, спорность самыхъ толкованій и т. д. Со всею ясностью это раскрылось въ спорѣ двухъ датскихъ психологовъ—*Лемана и Гейфдингга*—о томъ, какой изъ двухъ принциповъ, смежности и сходства, считать основнымъ и какой производнымъ (19—23).

Но въ то время, какъ ассоціаціонная психологія тщетно пыталась дать научно-удовлетворительное рѣшеніе своихъ проблемъ и приходила къ мысли опереться для этого на физиологію, послѣдняя сама уже успѣла начать рядъ изслѣдованій, подготовлявшихъ реформу психологіи. Это—изслѣдованія, съ одной стороны, по физиологіи мозга и нервовъ, а съ другой, по физиологіи органовъ чувствъ. Что касается первой, то ея вліяніе на развитіе новѣйшей психологіи теперь можетъ считаться уже исчерпаннымъ и результатамъ этого вліянія могутъ уже быть подведены

итоги. Результаты эти довольно малочисленны и почти лишены положительнаго характера. Сюда принадлежит, напр., устраненіе такихъ несостоятельныхъ представленій, встрѣчавшихся въ старой фізіологіи и філософіи, какъ о „сѣдалищѣ души“ и ея разнообразныхъ способностей; въ положительномъ же смыслѣ можетъ считаться научно установленнымъ только тотъ общій результатъ, что въ мозгѣ мы должны видѣть центральное представительство не только всѣхъ отдѣльныхъ органовъ тѣла, но и ихъ разнообразныхъ функціональныхъ связей. Косвеннымъ результатомъ можетъ считаться также прочно усвоенное современными психологами убѣжденіе въ необыкновенной сложности душевныхъ явленій. Въ остальномъ же фізіологія мозга, вмѣсто помощи психологическому анализу, гораздо болѣе сама поставила психологіи вопросовъ, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ толкованіе результатовъ фізіологическихъ изслѣдованій. И это легко понятно: нельзя понять конструкцію машины, не зная точно, что машина должна дѣлать; точно также и познаніе функцій извѣстнаго органа предполагаетъ анализъ этихъ функцій, и это—тѣмъ болѣе, чѣмъ послѣднія сложнѣе. Психологія отъ фізіологіи мозга положительнаго подспорья не получила почти никакого. Вотъ, напримеръ, открытіе зрительнаго центра ни на одинъ шагъ не подвинуло впередъ наше пониманіе происхожденія зрительныхъ представленій. То же надо сказать и о въ совершенствѣ изслѣдованной локализациі функцій рѣчи (23—26).

Несравненно глубже и дѣйствительнѣе было вліяніе на психологію 19 вѣка другой изъ упомянутыхъ отраслей фізіологическаго изслѣдованія—фізіологіи органовъ чувствъ. Здѣсь все наталкивало фізіологовъ на разрѣшеніе проблемы воспріятія, при чемъ въ традиціонной психологіи они не нашли себѣ для этого какой-либо существенной помощи. Приходилось фізіологамъ поневолѣ самимъ дѣлаться психологами, преодолевая встрѣчающіяся трудности обычными для нихъ средствами. Но понятно, что рано или поздно они должны были въ этомъ отношеніи достигнуть границы, за которой эти средства уже оказывались недостаточными, и гдѣ имъ приходилось уже то создавать теоріи на свой рискъ, то опираться на какой-либо философскій авторитетъ. Безъ какой-либо, хотя бы *ad hoc* сфабрикованной психологіи ни-

кто не могъ обойтись. Здѣсь-то и обозначилась противоположность, охарактеризованная впоследствии, какъ противоположность „эмпиризма“ и „нативизма“. Эмпиристы съ самаго начала не считали возможнымъ обойтись безъ психологіи, нативисты же всемірно ее отстраняли—и зато потомъ тѣмъ легче впадали въ спекуляцію, представляющую собою смѣсь психологіи съ метафизикой. Выборъ точки зрѣнія при этомъ оказывался совершенно произвольнымъ. Такъ на *Иоганна Мюллера*, инициатора новѣйшей физиологіи органовъ чувствъ оказало вліяніе ученіе Канта о пространствѣ и времени. То же повторилось съ *Э. Г. Веберомъ* и ближайшей къ нему генерацией. Понятно, что при этомъ страдали какъ интересы физиологіи, такъ и правильное представленіе Кантовскихъ воззрѣній. Къ числу лучшихъ работъ этого направленія принадлежитъ разработанная въ духѣ *Иоганна Мюллера* теорія зрительныхъ воспріятій *Эвальда Геринга* (*E. Hering*) (26—28).

Еще менѣе могъ обойтись безъ философскихъ предположеній эмпиризмъ въ физиологіи органовъ чувствъ. Здѣсь болѣе всего посчастливилось англійской опытной философій и въ частности—той эмпирической гносеологіи, представительницей которой явилась извѣстная Логика *Д. С. Милля*, оказавшая очень сильное вліяніе на дѣятелей положительной науки. Рекомендованная впервые нѣмецкому ученому міру *Ю. Либихомъ*, она съ тѣхъ поръ сдѣлалась совѣтчицей многихъ естествоиспытателей въ тѣхъ случаяхъ, когда они вынуждены были считаться съ философскими вопросами. Между прочимъ работы знаменитѣйшаго физиолога 19 вѣка *Гельмгольца* „всецѣло стоятъ подъ знакомъ Миллевской Логики“. Последнее обстоятельство объясняется тѣмъ, что *Гельмгольцъ* въ своихъ работахъ по вопросамъ воспріятія старался, по возможности, избѣжать психологическихъ и гносеологическихъ изслѣдованій и совершенно спокойно готовъ былъ принимать безъ критической провѣрки тѣ или инныя философскія предположенія, лишь бы они были практически пригодны и помогали скорѣйшему разрѣшенію поставленныхъ научныхъ задачъ. Такъ, напр., въ цѣляхъ упрощенія своей задачи онъ первое возникновеніе пространственныхъ представленій приписываетъ дѣятельности чувства осязанія; подобнымъ же образомъ сводитъ объективированіе

чувственныхъ впечатлѣній на а priori заложены въ насъ принципъ причинности. Точно также, чисто ради удобства, усвоилъ онъ и Миллевское расширение индукціи посредствомъ умозаключеній по аналогіи, чтобы потомъ всѣ процессы воспріятія толковать въ смыслѣ индукцій или аналогій (что для него было равнозначущимъ). Гельмгольцъ не былъ психологомъ, и все психологическое имѣло для него интересъ только средства, а не цѣли. Но для психологіи, какъ науки, это представляло серьезную опасность, потому что авторитетъ, которымъ по праву пользовалась физиологія органовъ чувствъ въ области своихъ фактическихъ открытій, незамѣтно переносился и на связаннаыя съ послѣдними психологическія умозрѣнія (28—31).

Въ такомъ критическомъ положеніи для молодой научной психологіи неожиданная помощь пришла со стороны... пресловутой Шеллинговской натурфилософіи. Въ Германіи оставались еще философствующіе естествоиспытатели, обязанные пробужденіемъ своего научнаго интереса именно цвѣтущему періоду этой натурфилософіи. На этой почвѣ и выросло произведеніе громадной важности для новѣйшей психологіи. Это была Психофизика *Фехнера*. Самъ Фехнеръ въ этомъ своемъ трудѣ преслѣдовалъ преимущественно метафизическую задачу—найти универсальный законъ, опредѣляющій тѣснѣйшую внутреннюю связь физическаго и духовнаго міра. Съ этою цѣлью онъ и старался установить правила, по которымъ могли-бы быть находимы точно измѣримыя количественныя отношенія между физическими раздраженіями и соотвѣтствующими имъ ощущеніями. Въ попыткахъ разрѣшить свою задачу онъ достигъ, съ одной стороны, менѣе, а съ другой, болѣе, нежели желалъ. Чѣмъ плодотворнѣе оказывались выставленные имъ принципы измѣренія собственно въ области психологическаго изслѣдованія, тѣмъ все болѣе выяснялась невозможность его метафизической задачи. Чѣмъ больше отступали на задній планъ натурфилософскія идеи Фехнера, почти не встрѣчая къ себѣ вниманія, тѣмъ сильнѣе торжествовало среди ученыхъ стремленіе ограничить задачу психофизики отношеніемъ между ощущеніемъ и раздраженіемъ или, еще уже, между силою ощущенія и силою раздраженія. Явилась тенденція смотрѣть на психофизику, какъ на пограничную область болѣе физиоло-

гін и физики, чѣмъ психологін. А чѣмъ больше при изслѣдованіи такъ называемой психофизической проблемы считалось съ методологической точки зрѣнія возможнымъ игнорировать специфически психологическія условія изучаемыхъ процессовъ, тѣмъ легче и самая проблема начала пониматься, какъ чисто фізіологическая. Отсюда уже оставался только одинъ шагъ до провозглашенія психологін только прикладной отраслью фізіологін нервныхъ процессовъ (31—33). Противовѣсь ненаучной спекуляціи въ психологін получался очень солидный, но сама психологін опять готова была исчезнуть въ качествѣ самостоятельной науки.

Здѣсь-то попыткѣ освободить психологін одновременно отъ узъ натурфилософін и нервно-фізіологическихъ гипотезъ неожиданно пришелъ на помощь рядъ другихъ подобныхъ попытокъ—при рѣшеніи разныхъ, на первый взглядъ и отдаленныхъ, но на самомъ дѣлѣ тѣсно соприкасающихся съ психометріей, проблемъ. То были вопросы о теченіи во времени процессовъ сознанія, о связанныхъ съ этимъ отношеніяхъ субъективныхъ представленій времени къ объективнымъ его количествамъ, наконецъ, объ объемѣ сознанія и вниманія, отношеніяхъ степеней ясности психическихъ содержаній и т. п. Всѣ эти проблемы, стремящіяся къ *точному анализу сложныхъ процессовъ сознанія, какъ таковыхъ*, и принадлежатъ болѣе, чѣмъ какія-либо другія, исключительно къ области психологін. Но любопытно, что онѣ подсказаны были психологамъ совнѣ: съ начала 19 в. астрономы начали обращать вниманіе на разницу между различными наблюдателями въ опредѣленіи времени извѣстныхъ небесныхъ явленій; этимъ феноменомъ, т. н. „личными уравненіями“, заинтересовалась позднѣе и психологін и стала, по образцу астрономическаго регистрированія времени, заниматься измѣреніемъ времени, протекающаго отъ момента извѣстнаго внѣшняго воздѣйствія на человѣка до полученія извѣстнаго требующагося отъ него движенія (т. н. „опыты съ реагированіемъ“). Въ связи съ этимъ стоитъ и дальнѣйшій прогрессъ въ примѣненіи „психометрическихъ методовъ“. Такъ постепенно *новая психологін освобождается отъ опеки естественныхъ наукъ и приходитъ къ познанію своихъ собственныхъ научныхъ задачъ и къ установкѣ точныхъ методовъ* (34—35).

Если теперь мы къ этой цѣли гораздо ближе, чѣмъ во

время Фехнера, Гельмгольца и первых скромныхъ опытовъ о времени реакціи и чувствѣ времени, то этимъ мы обязаны въ гораздо меньшей степени накопленію новыхъ фактовъ, нежели разнообразному взаимодействию, какое оказали различныя области изслѣдованія другъ на друга: ученіе о *чувственномъ воспріятіи* подсказало *психофизику* новыя задачи и точки зрѣнія; и первое и вторая опредѣляющимъ образомъ повліяли на *анализъ процессовъ сознанія*, а послѣдній самъ пролилъ новый свѣтъ на ихъ проблемы. Всесторонняя историческая оцѣнка того значенія, какое имѣетъ каждая изъ этихъ областей для пріобрѣтенія психологическихъ познаній и для выработки нашихъ общихъ психологическихъ воззрѣній, по новости самаго дѣла, теперь едва ли возможна. Но окидывать ретроспективнымъ взглядомъ уже достигнутое мы въ каждое время не только имѣемъ право, но и обязаны, потому что, во всякомъ случаѣ, надо понять настоящее, чтобы ставить себѣ цѣли для будущаго (35—36).

1. Ученіе о чувственномъ воспріятіи, самое характерное для пониманія тенденцій новѣйшей психологіи, легче всего поддается обзору въ достигнутыхъ имъ результатахъ. Положеніе вполнѣ выяснилось, послѣ того какъ сошелъ со сцены споръ нативистической и эмпиристической гипотезъ, и сами физиологи начали все болѣе и болѣе проблему воспріятія относить къ области психологіи. Теперь уже никто не чувствуетъ себя обязаннымъ къ тѣмъ сдѣлкамъ съ пережитками старой эмпиристической разсудочной психологіи, какія нѣкогда допускалъ Гельмгольцъ. Ни одинъ психологъ также не согласится видѣть въ специфическихъ энергіяхъ чувствъ нативистовъ что-либо кромѣ искусственнаго перетолкованія элементарныхъ психическихъ процессовъ въ смыслѣ понятій о физиологическихъ способностяхъ. Цѣннымъ положительнымъ результатомъ—для психологіи и, косвенно, для философіи—является то, что въ рукахъ новѣйшей физиологіи чувствъ совершенно измѣнились какъ самыя понятія объ ассоціаціи, такъ и всѣ наши воззрѣнія на ассоціаціонный механизмъ. Старое представленіе, что „идеи“ движутся въ сознаніи, какъ нѣкоторые самостоятельныя и неизмѣнныя объекты, потерпѣло окончательное крушеніе. Теперь уже общепризнано что только *анализъ процессовъ*

воспріятія выясняетъ намъ истинную природу ассоціацій. Онъ показываетъ, что воспріятія можно понять только изъ элементарныхъ процессовъ ассоціаціи простыхъ ощущеній, во множествѣ соучаствующихъ при образованіи воспріятій. Поэтому и представленія отнюдь не суть какія-либо прочныя или хотя-бы даже приблизительно неизмѣнныя образования, но измѣнчивые процессы съ многообразично переплетающимися и сливающимися въ своеобразныя новообразования элементами. Но новая психологія не только дала намъ новое понятіе объ ассоціаціи, но и впервые установила принципъ, имѣющій громадное значеніе для всѣхъ областей духовной жизни. Это—принципъ творческаго синтеза въ психическихъ образованіяхъ; онъ гласитъ, что если какіе-либо психическіе элементы соединяются для произведенія единого, но сложнаго образованія, то это послѣднее хотя и можетъ во всѣхъ своихъ свойствахъ бытъ выведено изъ своихъ элементовъ и ихъ взаимоотношеній, однако эти свойства являются при этомъ, какъ нѣчто новое, не присущее ни элементамъ, ни суммѣ элементовъ, если эту сумму разсматривать, какъ соединеніе, полученное посредствомъ прибавленія другъ къ другу отдѣльныхъ слагаемыхъ (*additive Verbindung der einzelnen*). Такъ, напр., аккордъ, какъ содержаніе воспріятія и въ своемъ дѣйствіи на чувство, есть нѣчто большее, чѣмъ сумма отдѣльныхъ, составляющихъ его, тоновъ (36—39).

Новая психологія сдѣлала также еще одно важное методологическое нововведеніе. Между тѣмъ какъ старая психологія искала себѣ опорныхъ пунктовъ частію въ самонаблюденіи, не смотря на давнишнюю его скомпрометированность, частію-же въ метафизикѣ или физиологіи, новая *ввела экспериментъ въ самую психологію*. Физиологіи органовъ чувствъ для плодотворнаго—именно въ интересахъ психологіи—примѣненія своихъ экспериментальныхъ методовъ не хватало главнымъ образомъ только психологическаго интереса и, въ тѣсной связи съ этимъ, достаточнаго психологическаго пониманія. Для нея субъективные феномены являлись только симптомами физиологическихъ процессовъ. Иначе стало съ превращеніемъ физиологіи чувствъ въ психологію чувствъ. Это и можно назвать моментомъ рожденія „экспериментальной психологіи“, матерью которой, несомнѣнно, является физиологія органовъ чувствъ (39—41).

2. Психофизика въ проблему воспріятія внесла цѣнную точку зрѣнія, состоящую въ томъ, что она всѣ получаемыя въ ощущеніяхъ и воспріятіяхъ содержанія сознанія, разсматривавшіяся доселѣ даже въ фізіологіи почти только съ ихъ качественной стороны, принципиально подчинила понятію *мѣры*. Первоначально, въ своемъ переходномъ состояніи, психофизика принимала, что психическія величины никогда не могутъ измѣряться другъ другомъ, а всегда только производящими ихъ физическими величинами раздраженія; но достигнутое психологіей убѣжденіе, что ощущенія непосредственно вообще могутъ быть измѣряемы только ощущеніями же или, общѣе говоря, психическія величины только однородными психическими-же величинами, и что поэтому физическія раздраженія никогда не могутъ быть употребляемы въ качествѣ масштаба, а всегда только въ качествѣ вспомогательнаго средства для полученія, при извѣстныхъ условіяхъ, ощущеній желаемой опредѣленной величины,—это убѣжденіе освободило психофизику отъ метафизическихъ предразсудковъ и превратило ее въ органическую составную часть психологіи. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что „методы психофизическаго измѣренія“ превратились въ „методы психическаго измѣренія“. Дальнѣйшимъ шагомъ въ этомъ направленіи остается рѣшеніе вопроса,—какъ бы распространить эту, установленную для элементарныхъ психическихъ фактовъ, закономерность на всю совокупность явленій сознанія: теченіе представленій, движеніе чувствъ и аффектовъ, развитіе волевыхъ дѣйствій? Тогда мы научнымъ путемъ приблизились - бы къ осуществленію гениальнаго замысла Гербарта сообщить психологіи совершенную, математическую точность и къ оправданію родственной идеи Фехнера (особенно настойчиво проводимой въ „Зендавестъ“) объ универсальной психофизической закономерности (41—43).

3. Анализъ сложныхъ процессовъ сознанія далъ важное дополненіе къ установленнымъ при разработкѣ проблемы воспріятія принципамъ. Это было обновленіе и реформа понятія апперцепціи. Введенное Лейбницемъ, но использованное имъ для метафизическихъ цѣлей, а послѣ него Кантомъ для гносеологическихъ, это понятіе, въ концѣ концовъ, Гербартомъ было совсѣмъ выбито съ своего надлежащаго мѣста и превращено въ специальный случай ассоціаціи, утра-

тившій какое-либо отношеніе къ самосознанію и волѣ. Несомнѣнно, ассоціація и апперцепція не абсолютно чужды другъ другу; но апперцепціи уже строятся сами на ассоціаціяхъ, подобно тому, какъ послѣднія на элементарныхъ ощущеніяхъ; онѣ предполагаютъ ассоціаціи и не могли бы существовать безъ нихъ, но онѣ суть новыя образованія съ специфическими свойствами,—совершенно въ томъ-же смыслѣ, какъ гармонія звуковъ есть нѣчто иное, нежели сумма тоновъ, представленіе времени или пространства — нѣчто иное, нежели неупорядоченное разнообразіе ощущений. Въ этихъ новоприходящихъ свойствахъ апперцепціонныхъ актовъ и имѣетъ свое основаніе та связь ихъ, которая выражается въ единствѣ воли индивидуальнаго сознанія и въ отмѣченномъ уже Лейбницемъ тѣсномъ отношеніи къ самосознанію (44—45).

При ближайшемъ изученіи этой связи сложныхъ душевныхъ процессовъ, психологическій анализъ видитъ себя болѣе или менѣе вынужденнымъ выйти изъ круга явленій индивидуальнаго сознанія, который образуетъ собою ближайшій объектъ психологическаго изслѣдованія. Относительно постоянное состояніе зрѣлаго и способнаго къ планомѣрному наблюденію собственныхъ переживаній человѣка всетаки на самомъ дѣлѣ находится въ потокѣ разнообразныхъ, опредѣляющихъ его процессовъ развитія. Такъ, съ одной стороны, индивидуальное сознаніе есть продуктъ специфически ему принадлежащаго особаго развитія, а съ другой стороны, оно стоитъ подъ общими условіями принадлежности къ опредѣленному культурному человѣческому обществу. Для психологій, понятно, весьма важно изучить всѣ эти развитія. Отсюда возникаютъ такія области сравнительной психологій, какъ психологія ребенка, психологія животныхъ и психологія народовъ. Вундтъ довольно подробно говоритъ о выяснившихся современныхъ и предстоящихъ въ будущемъ задачахъ и видахъ этихъ отраслей сравнительной психологій; но мы на этихъ подробностяхъ останавливаться не будемъ (vgl. 45. 46—50).

„Итакъ, говоритъ въ заключеніе своей статьи Вундтъ, современная психологія носить на себѣ слѣды всѣхъ тѣхъ вліяній, въ которыхъ философія прошлаго столѣтія давала выраженіе главнѣйшимъ духовнымъ стремленіямъ этого вре-

мени. Отъ Гербарта она получила первый толчекъ къ точному изученію процессовъ сознанія. Отголоскомъ Шопенгауэра являются извѣстныя гноселогическія и метафизическія идеи. Но самымъ крупнымъ ея предшественникомъ, — въ виду тѣхъ общихъ цѣлей, къ которымъ она стремится, — оказывается философъ, которому вначалѣ, повидимому, она была болѣе всего чужда: Гегель. А чрезъ всѣ эти вліянія проходитъ, рѣшающимъ образомъ обуславливая выработку новой психологіи, соприкосновеніе съ тѣми положительными науками, которыя особенностями нѣкоторыхъ своихъ проблемъ были вовлечены въ психологическія изслѣдованія — и сами, въ свою очередь, сослужили психологіи большую службу. Такимъ образомъ, въ борьбѣ между философіей и отдѣльными науками, особенно разгорѣвшейся въ среднѣй прошлаго столѣтія, психологіи, можетъ быть, выпала довольно существенная роль мирной посредницы“ (51).

3. Исторія философій ¹⁾.

Исторія философій въ научной работѣ 19 вѣка получила такое распространеніе и приобрѣла такое значеніе, какихъ не имѣла никогда въ прежнее время. Нерѣдко высказывается взглядъ, что такое усиленіе историческаго интереса стоитъ въ связи съ оскудѣніемъ творческой философской силы. И этотъ взглядъ можетъ находить себѣ нѣкоторое оправданіе въ явленіяхъ второй половины 19 в., о которой одинъ выдающійся ученый сказалъ: „теперь нѣтъ философій, а есть только исторія философій“. Но было бы большою ошибкой удовлетвориться такимъ объясненіемъ. Началомъ своимъ усиленіе интереса къ исторіи философій восходитъ къ порѣ самаго продуктивнаго философскаго творчества въ Германіи. Принципіальнымъ идеаломъ романтики была выработка новаго изъ сознательнаго уразумѣнія всѣхъ великихъ приобретений прошлаго. Для такихъ писателей, какъ *Шлегель*, это, правда, могло представляться не имѣющимъ научной цѣнности „философствованіемъ о философій“; но уже *Шлейермахеръ* своими классическими трудами по переводу Платона и изслѣдова-

¹⁾ Статья Виндельбанда.

нїями по всѣмъ отдѣламъ античной философіи показалъ, что это дѣло несравненно серьезнѣе. Послѣдовавшія за тѣмъ остроумныя работы *Бекка (Voeseke)* открыли собою серію блестящихъ изслѣдованій, которыя съ тѣхъ поръ часто стали посвящаться древней философіи. Больше же всего содѣйствовало установкѣ отношенія между системой и исторіей философіи ученіе *Гегеля*, который видѣлъ въ исторически смѣнявшихся доктринахъ ступени послѣдовательнаго приближенія къ истинной системѣ: онъ самъ желалъ въ своей Логикѣ діалектически развить такую же систему категорій, какую представляетъ собою историческое развитіе философскихъ принциповъ; о достоинствѣ исполненія мы здѣсь не говоримъ, но замыселъ, безспорно, — гениальный. За Гегелемъ на всѣ времена должна будетъ числиться драгоценная заслуга первой и принципиальной установки научныхъ задачъ философіи (175—177).

Многимъ кажется однако, что Гегель въ проведеніи своей мысли пошелъ дальше, чѣмъ слѣдуетъ, — когда утверждалъ, что исторія философіи сама должна быть философской наукой. Подозрительность и опасность Гегелевской затѣи конструировать исторію показать было нетрудно: ему самому для удержанія параллелизма между діалектическимъ и историческимъ развитіемъ категорій приходилось иногда въ исторіи философіи довольно произвольно обращаться съ хронологическими отношеніями; точно также нерѣдко въ своей логикѣ онъ даетъ довольно искусственныя толкованія (въ интересахъ своей системы) фактическихъ отношеній исторически извѣстныхъ доктринъ. Но, не смотря на все это, самая мысль Гегеля о широкомъ использованіи исторіи философіи въ цѣляхъ философской системы не должна быть оставляема. Недостатки Гегеля исправлены его знаменитыми учениками, которыхъ онъ въ этой области имѣлъ болѣе, чѣмъ гдѣ либо, — *Целлеромъ, I. Э. Эрдманомъ, Кюно Фишеромъ*. Поправки эти сводятся къ тому, чтобы задачѣ точнаго, пользующагося всѣми средствами критики, установленія историческихъ фактовъ было въ полной мѣрѣ отводима подобающая роль. Но и въ такомъ видѣ, отдавая полную дань историческому эмпиризму, наша наука свою послѣднюю цѣль всетаки не можетъ полагать только въ историческомъ знаніи. Безспорно, что всякая исторія должна прежде всего по-

казать намъ, „какъ что либо было на самомъ дѣлѣ“, т. е. въ данномъ случаѣ—выяснить и точно установить, чему учила та или иная философія, какъ она возникла, какое имѣла вліяніе и т. д. Но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣдко кто не чувствуетъ, что философія имѣетъ къ своей исторіи болѣе тѣсное, интимное отношеніе, нежели какая либо другая наука къ ея исторіи. Можно сколько угодно заниматься математикой, физикой или химіей, не зная исторіи этихъ наукъ; никакого ущерба для дѣла отъ такого незнанія нѣтъ. А едва ли кто рѣшится утверждать то же и о философіи. Почему такъ? Что исторія предостерегаетъ насъ отъ ложныхъ путей, это справедливо въ не меньшей мѣрѣ и относительно другихъ наукъ, какъ относительно философіи. Справедливо указываютъ на то, что философствованіе есть въ значительной степени личное дѣло мыслителя; и углубленіе въ міръ идей великихъ философскихъ геніевъ прошлаго можетъ для иного конгеніальнаго философа позднѣйшей эпохи имѣть весьма существенное положительное значеніе. Прообразовательное значеніе великихъ личностей въ исторіи философіи не подлежитъ сомнѣнію. Этому посвящена между прочимъ прекрасная книга *Р. Эйкена*: „Мировоззрѣнія великихъ мыслителей“ (5 изд. 1904 г.). Но и это не создаетъ еще принципиальнаго различія между философіей и другими науками. Вѣдь и естествоиспытатель можетъ вдохновляться великими личностями Ньютона или Гельмгольца, а историкъ—Ранке или Моммсена (177—180).

Совершенно иначе обстоитъ дѣло, если мы обратимся къ вопросу, не составляетъ ли исторія философіи неотъемлемую часть самой системы философіи. Ни объ одной наукѣ чего либо подобнаго утверждать нельзя, и—даже о философіи, если подъ нею разумѣть просто науку о мировоззрѣніи, имѣющую цѣлью лишь сводить въ одно цѣльное представленіе о мірѣ и жизни такъ называемые общіе результаты другихъ наукъ. На что тогда ей мировоззрѣнія прошлаго? То же надо сказать и о философіи, задачей которой ставится метафизика, стремящаяся познать послѣдніе принципы бытія и явленій независимо отъ научнаго познанія эмпирической дѣйствительности. Эта догматическая точка зрѣнія должна быть признана абсолютно не-исторической. Она признаетъ въ исторической феноменологіи философскаго созна-

нія, въ лучшемъ случаѣ, только рядъ попытокъ приблизиться къ такому міровоззрѣнію, какимъ сама обладаетъ. Такой догматикъ относится къ исторіи философіи такъ же, какъ, напр., физикъ или математикъ къ исторіи своей науки: для него она есть исторія заблужденій и ложныхъ путей. Приблизительно подобнымъ образомъ смотрѣлъ на исторію философіи *Гербартъ*. Внутреннее, необходимое, принципиально своеобразное, — въ отличіе отъ другихъ наукъ, — отношеніе философіи къ ея исторіи можетъ быть признано только въ томъ случаѣ, если задачу ея опредѣлить такъ, чтобы и самому предмету ея, который она должна познать, по существу дѣла предстоялъ путь развитія, познаваемаго только въ исторіи философіи. Здѣсь—ядро вопроса (180—182).

(Окончаніе слѣдуетъ).

П. Тихомировъ.
